

На текущія темы.

Модный вопросъ.—Символическія фигуры и насажденіе добрыхъ нравовъ.—Борьба съ хулиганствомъ.—Нефтеносный фонтанъ въ редакціи „Новаго Времени“.

Конецъ прошлаго и первые мѣсяцы настоящаго года выдвинули въ официальныхъ и смежныхъ съ ними сферахъ настоящее „посполитое рушенъе“ противъ такъ-называемаго хулиганства въ деревнѣ. Землевладѣльческіе вопли о томъ, что „невозможно стало жить въ деревнѣ“, подтверждаемые часто фантастическими примѣрами и совершенно невѣроятными „происшествіями“, нашли свой отзвукъ не только на сѣздахъ объединенныхъ Пуришкевичей. Главное управленіе по дѣламъ мѣстнаго хозяйства настолько внимательно прислушивалось къ этимъ воплямъ, что еще въ ноябрѣ разослало подвѣдомственнымъ мѣстамъ циркуляръ, въ которомъ предлагалось „обсудить мѣры“. На мѣстахъ въ силу этого началось собираніе матеріала и выработка мѣръ... Земскія собранія послѣдней сессіи, состоящія по преимуществу изъ тѣхъ же вполне добропорядочныхъ элементовъ пуришкевическаго типа, пошли навстрѣчу правительственному предложенію, и вопросъ о хулиганствѣ сдѣлался боевымъ вопросомъ. На многихъ изъ этихъ собраній среди земцевъ самоновѣйшей формаціи вновь увѣренно прозвучало полузабытое „др-ратъ“ и беззастѣнчиво предлагались всеисцѣляющія мѣры изъ репертуара бараньяго рога и кузькиной матери. Отдѣльные голоса, пытавшіеся указать истинные размѣры и причины явленія, а также намѣтить цѣлесообразные приемы борьбы съ нимъ, конечно, потонули въ морѣ владѣльческаго возмущенія. Состоявшееся въ февралѣ совѣщаніе губернаторовъ направилось, конечно, по торной дорожкѣ, и въ настоящее время уже повсемѣстно примѣняются выработанныя имъ обязательныя постановленія, воспрещающія „безчинство и озорство“ и карающія нарушителей въ административномъ порядкѣ арестомъ до 3-хъ мѣсяцевъ и штрафомъ до 500 рублей. Кругъ явленій,

какъ видимъ, замкнулся вполнѣ соотвѣтственнымъ образомъ: стоило заговорить объединенному дворянству, какъ поднялась возня по всей линіи, закончившаяся неизмѣнными обязательными постановленіями.

Я не буду разсматривать вопросъ о хулиганствѣ во всей его полнотѣ: всесторонняя оцѣнка какъ всего затѣяннаго похода противъ деревни, такъ и специально способовъ борьбы съ хулиганствомъ сдѣлана уже въ общей печати. Не стану также отрицать наличности—въ нѣкоторой, разумѣется, степени — тѣхъ явленій, которыя принято подводить подъ модное теперь понятіе хулиганства. Я хочу лишь обратить вниманіе на одну сторону вопроса, мало освѣщенную въ печати, а между тѣмъ у насъ на Украинѣ имѣющую громадное значеніе. Освѣщеніе именно этой стороны пояснить намъ многое какъ въ вопросѣ о происхожденіи современнаго хулиганства, такъ и въ отношеніи способовъ борьбы съ нимъ. Вотъ одинъ фактъ, взятый на-удачу изъ множества подобныхъ.

„Наше село, — пишутъ изъ Малой Дѣвицы Прилукскаго уѣзда въ „Радѣ“,—очень большое и очень темное. Вся молодежь, окончившая мѣстную школу, и въ руки не беретъ книги. По окончаніи школы каждый парень начинаетъ „парубковать“: ходитъ на „досвітки“, пьетъ водку, никого въ грошъ не ставитъ, потому что онъ уже „парубокъ“. И вотъ среди этой безпросвѣтной темноты выдѣлилось нѣсколько молодыхъ парней, которые бросили „досвітки“ и похождения и начали собираться для чтенія книгъ. Читали книги и русскія, но больше на своемъ родномъ языкѣ, какъ-то: „Кобзарь“, сочиненія Гринченка, Кулиша и другихъ писателей. Ходили на „досвітки“ читать „Кобзаря“, читали и старикамъ, когда послѣдніе собирались по воскресеньямъ и другимъ праздникамъ. Потомъ, когда кружокъ увеличился, выписали газету „Радѣ“. Но не долго пришлось ее читать. Мѣстный стражникъ, узнавъ, что парни собираются и читаютъ книги и газету на „хохлацкомъ языкѣ“, напился пьянъ, пришелъ къ парнямъ и запретилъ имъ читать эти „поганя“ книжки. Сказалъ, что если еще соберутся, то онъ всѣхъ отправитъ въ тюрьму. Съ большимъ огорченіемъ разошлись парни, не зная, за что ихъ Богъ (sic!) наказалъ. Стражникъ даже не зналъ, хорошее или худое они читаютъ: самъ онъ книгъ не читаетъ и называетъ ихъ „послѣдняя гадость“, а разогналъ читателей един-

ственно потому, чтобы не разводили „демократчины“. И теперь,—заканчивается корреспонденція,—когда распался этот кружокъ, нельзя ожидать ничего хорошаго отъ другихъ“¹⁾).

Я перевелъ буквально эту немного наивную, но уже самой наивностью своею ручающуюся за полную достовѣрность корреспонденцію. Она настолько типично обрисовываетъ ту обстановку, въ которой находится сейчасъ украинское село, что, пожалуй, излишнимъ дѣлаетъ всѣ тѣ многочисленныя вырѣзки съ подобными же сообщеніями, которыя лежатъ сейчасъ предо мною. Въ то же время своимъ вполне объективнымъ, безпристрастнымъ тономъ лѣтописнаго повѣствованія она громко вопіетъ, протестуя какъ противъ огульных обвиненій деревни въ хулиганствѣ, такъ и противъ тѣхъ мѣръ, которыми предположено съ нимъ бороться. Представьте только эту обстановку. Среди ужасающей тьмы и тяжелаго труда, на фонѣ всеобщаго пьянства и полного отсутствія какихъ бы то ни было разумныхъ развлеченій вдругъ какими-то невѣдомыми путями загорается маленькій огонекъ иной, культурной жизни. Онъ еще слабо освѣщаетъ людямъ ихъ тяжелую жизнь, но все-же освѣщаетъ, все-же даетъ ту высшую отраду, которой такъ мучительно ищутъ и въ деревнѣ, какъ и въ городѣ. Огонекъ разрастается, онъ уже создаетъ извѣстныя культурныя потребности, онъ привлекаетъ все большее число людей въ освѣщенную черту... Но вотъ приходитъ нѣкто и грубымъ, грязнымъ сапожищемъ затапываетъ этотъ огонекъ. Затапываетъ безъ всякой даже злобы, равнодушно и сонно, просто исполняя свое назначеніе — гасить всякій лучъ свѣта единственно потому, что это „демократчина“...

Что,—спрашиваю васъ,—можетъ быть въ такой обстановкѣ и чего можно ожидать отъ людей, насильно вдвинутыхъ опять въ ту одуряющую жизнь, изъ которой они пытались было съ невѣроятными усиліями выкарабкаться? И не представляется ли вамъ этотъ невѣдомый стражникъ символической фигурой, поставленной, какъ сейчасъ увидимъ, на-стражѣ всяческаго хулиганства, хотя и караемаго вмѣстѣ съ тѣмъ арестами и штрафами по произволу того же стражника?..

¹⁾ „Рада“ 1912 г., № 256.

Впрочемъ, эта символическая фигура требуетъ своего естественнаго дополненія, и его мы находимъ въ новомъ сообщеніи изъ той же Малой Дѣвицы. „Къ намъ,—пишутъ оттуда же черезъ нѣкоторое время, — назначенъ новый урядникъ, который энергически приступилъ къ своимъ обязанностямъ. Узнавъ, что въ селѣ есть „зашкурні шинки“ (тайная продажа водки. С. Е.), да еще вблизи волостного правленія, онъ отправился къ бабѣ Маринѣ и другимъ и приказалъ имъ прекратить незаконную торговлю. Послѣ этого онъ запретилъ „досѣтки“ и всякія собранія по вечерамъ. И теперь всѣ должны сидѣть дома, а если кто пойдетъ къ сосѣду или къ кому иному и объ этомъ узнаетъ урядникъ, то арестуется на сутки. Такое запрещеніе всѣхъ удивляетъ (!). Всѣ крестьяне зимой собирались по вечерамъ для развлеченія, а теперь должны сидѣть дома. Впрочемъ,—заканчивается корреспонденція поистинѣ классическимъ штрихомъ,—настроеніе урядника, очевидно, перемѣнилось, такъ какъ Марина все-таки продаетъ водку“ ¹⁾).

Все-таки продаетъ и будетъ продавать, несмотря ни на что, тогда какъ слабый огонекъ общественности и культурности растоптанъ сапожищемъ безповоротно: перемѣна настроенія къ нему, конечно, не относится... Марина, все-таки продающая водку,—фигура въ нашей дѣйствительности опять-таки глубоко символическая, прекрасно дополняющая образъ стражника, равнодушно затаптывающаго ростки новой жизни, новыхъ запросовъ и потребностей. Она, эта символическая Марина, умѣетъ ладить съ символическимъ сапожищемъ и, несмотря на явное беззаконіе своихъ поступковъ, конечно, не подпадаетъ подъ дѣйствіе обязательныхъ и необязательныхъ постановленій, такъ твердо основавшихся въ нашей жизни. Это не „читатели“, неизвѣстно для какой надобности собирающіеся и приверженные къ такой „последней гадости“, какъ книга. И потому „баба Марина“ все-таки процвѣтаетъ, а „читатели“ всемѣстно и всецѣло упразднены...

Теперь поставьте все многомилліонное населеніе нашей деревни, всѣхъ этихъ читателей и нечитателей, между грубымъ сапожищемъ стражника и соблазнительнымъ притономъ бабы Марины и вы будете имѣть ту подлинную обстановку, въ которой задыхается деревня. Обитатели ея

¹⁾ „Рада“ 1913 г., № 39.

дѣйствительно стоятъ между этими двумя символическими фигурами, изъ которыхъ одна отталкиваетъ отъ всего, что можетъ препятствовать развитію „безчинства и озорства“, а другая привлекаетъ именно къ этому послѣднему. Въ этой обстановкѣ и заключается весь корень вопроса о „хулиганствѣ“, объ его причинахъ и о мѣрахъ борьбы съ нимъ. И переносить весь вопросъ въ плоскость какой-то спеціальной „распущенности“, якобы вдругъ охватившей народныя массы, и обязательныхъ постановленій, какъ средства борьбы съ этой распущенностью, значить занять совершенно безнадежную позицію,—безнадежную даже въ карательномъ смыслѣ. Явленіе, конечно, не исчезнетъ отъ того, что нѣсколько случайно захваченныхъ людей будутъ подвергнуты отсидкѣ или штрафу въ административномъ порядкѣ. Напротивъ, оно еще сильнѣе будетъ оттѣняться этими безсильными потугами вырвать то, что ревностно насаждается и поощряется всѣмъ строемъ нашей современности.

Въ самомъ дѣлѣ. Благодаря событіямъ послѣдняго времени народныя массы несомнѣнно предъявляютъ болѣе повышенныя требованія и запросы въ общественныхъ отношеніяхъ, личность несомнѣнно выросла и болѣе чутко относится къ своему положенію. И въ то же время внѣшнія условія также несомнѣнно ухудшились, выросла та подозрительность къ „демократчинѣ“, которая въ концѣ-концовъ по-своему рѣшаетъ всѣ вопросы бытія и даетъ тонъ жизни не въ одной только деревнѣ, но въ ней въ особенности. Всѣ слабые ростки общественности и культуры безжалостно растоптаны; хорошая книга и газета беспощадно преслѣдуется, бібліотеки ликвидированы или заполнены неудобъ читаемыми произведеніями барабанной музыки, народные спектакли всячески стѣсняются, общеніе хотя бы на самой безобидной почвѣ энергически пресѣкается, союзничество столь же энергически насаждается... Это съ одной стороны. Съ другой—гостепріимно раскрыты двери явныхъ и тайныхъ мѣстъ, торгующихъ водкой, „бабы Марины“, не боясь конкуренціи культуры, усиленно зазываютъ въ свои притоны... Идетъ полное спаиваніе всѣмъ, чѣмъ можно, вплоть до знаменитаго „гардемана“ (денатурированный спиртъ) людей, которымъ во всѣхъ иныхъ отношеніяхъ руки связаны, которые чувствуютъ себя совершенно беззащитными въ самыхъ элементарныхъ

правахъ, которымъ остается невозбраннымъ одно развлеченіе—водка, пьяный дебошъ и разгулъ. Что удивляться, если люди идутъ иногда по линіи наименьшаго сопротивленія и скатываются по наклонной плоскости? Мало того,—послѣднее входитъ иногда даже въ „виды и намѣренія“ нѣкоторыхъ реалистически мыслящихъ администраторовъ, какъ доказываютъ непререкаемые факты. Вспомните знаменитаго Неровню, насаждавшаго публичные дома въ качествѣ „рабочихъ клубовъ“, какъ лучшее и вѣрнѣйшее средство отвлечь населеніе отъ „демократчины“. Вспомните и не удивляйтесь, съ одной стороны, развитію „безчинства и озорства“, а съ другой—видимому,—чуть не сорвалось,—преднамѣренному безсилію борьбы съ ними. Въ сущности даже и борьбы никакой не происходитъ, ибо хулиганство именно и насаждается тѣми мѣрами, которыя якобы направлены на его уничтоженіе. Вообразите хотя бы на одинъ мигъ упомянутаго сейчасъ Неровню въ роли насадителя добрыхъ нравовъ и хорошаго тона, и если у васъ была хоть тѣнь сомнѣнія на счетъ истиннаго смысла его „борьбы съ хулиганствомъ“, то оно должно будетъ безъ остатка разсѣяться. Ибо если въ качествѣ блюстителей нравственности, какъ *sensores morum*, дѣйствуютъ Неровни, то какая же рѣчь можетъ быть о боръбѣ съ хулиганствомъ.

Въ особенности происходитъ это на Украинѣ, какъ и вездѣ, впрочемъ, гдѣ къ дѣлу „демократчины“ примѣшивается еще и національное угнетеніе. Украинскій крестьянинъ еще беззащитнѣе предъ сапожищемъ стражника, съ одной стороны, и зазываніемъ бабы Марины—съ другой. Всѣ условія его національной жизни старательно вытраиваютъ изъ его души сознаніе человѣческаго достоинства, опустошаютъ ее, не давая взамѣнъ ничего, и тѣмъ, конечно, понижаютъ правовое самосознаніе. Школа, солдатчина, отхожіе промыслы, государственныя и общественныя учрежденія, практика повседневной жизни—все это силится внушить ему, что онъ не человѣкъ, а нѣчто низшее, особая мужицкая порода, годная лишь для обрусенія, предназначенная на денационализацію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣтъ, навѣрное, мѣстности въ Россіи, гдѣ бы съ большимъ ожесточеніемъ и озлобленіемъ шла борьба противъ того, что въ этомъ представителѣ „низшей породы“ могло бы воспитать самоуваженіе и правовое сознаніе. Украинская книга, украин-

ская газета, всѣ формы и виды національной культуры, вплоть до языка, пользуются вѣдь особеннымъ вниманіемъ лицъ, облеченныхъ властью; національное воспитаніе, которое является, въ сущности, единственнымъ путемъ для массъ выйти изъ положенія парій между народами и приобрести нѣчто отъ культуры, совершенно отсутствовать. И въ то время, какъ это нѣчто старательно затапывается официальными и добровольческими каблуками, баба Марина одна дѣйствуетъ вовсю и безпрепятственно. Изволь же въ такомъ положеніи удержаться отъ „безчинства и озорства“!..

Конечно, разъ начавшійся процессъ самосознанія не затоптать никакими сапожищами, не залить ни явнымъ, ни тайнымъ кабакомъ. Медленно, но неуклонно оно продолжаетъ расти; многія деревни на Украинѣ уже являются культурными центрами въ своемъ родѣ, откуда протягиваются и по окрестностямъ нити лучшей, болѣе разумной и сознательной жизни, по крайней мѣрѣ стремленіе къ ней. Я не буду называть этихъ свѣтлыхъ точекъ, чтобы не давать матеріала для dossier всевозможныхъ гг. Щеголевыхъ (съ ними вѣдь по нынѣшнимъ временамъ очень и очень приходится считаться); скажу лишь, что именно этимъ культурнымъ очагамъ, возникшимъ часто путемъ самозарожденія и мучительныхъ поисковъ правды, придется сыграть крупную роль въ борьбѣ съ одичаніемъ и разложениемъ. Всѣ же официальныя мѣры здѣсь не при чемъ,—вѣрнѣе, очень даже при чемъ, но только въ обратную сторону...

Пасхальные праздники въ лѣто 1913-е ознаменовались однимъ крупнымъ событіемъ въ исторіи російскаго патриотизма: забилъ нефтеносный фонтанъ въ редакціи „Новаго Времени“, что въ Эртелевомъ пер., въ Петербургѣ. Забилъ разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ, хотя и совершенно въ соотвѣтствіи съ природой казеннаго націонализма. Нефтеносные и иные источники, обнаруженные нынѣ въ редакціи „Новаго Времени“ благодаря домашнему спору между семьей Сувориныхъ и г. Снѣссаревымъ, не были, впрочемъ, секретомъ и раньше: всѣмъ было извѣстно, на какія средства путешествуютъ эти благородные рыцари. Если теперь они и сдѣлались въ нѣкоторомъ родѣ злобой дня, то лишь потому, что дождались, наконецъ, до-

кументальнаго засвидѣтельствванія и притомъ со стороны лица, пользовавшагося неограниченнымъ довѣріемъ торговой фирмы „Суворинъ и С-вья“.

Нефтеносный фонтанъ въ редакціи „Новаго Времени“ слѣдуетъ отмѣтить и въ украинской печати, что и дѣлаю съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія. Всѣмъ, вѣроятно, памятенъ еще тотъ шумъ, которымъ патріотическая пресса съ „Новымъ Временемъ“ во главѣ встрѣтила такъ-называемыя разоблаченія Раковскаго о прусскихъ маркахъ; захлебываясь, сообщала она о подкупѣ украинскихъ дѣятелей и прессы, раздувала жалкое созданіе прусскаго шпіона, сама измышляла лживыя подробности и, смакуя ихъ, вызвала къ бичамъ и скорпіонамъ. И оказывается, что въ то время, когда произносились эти захлебывающіяся рѣчи, фонтанъ въ редакціи „Новаго Времени“ уже билъ... Билъ пока тайно, но, какъ извѣстно, нѣтъ ничего тайнаго, что бы современемъ не сдѣлалось явнымъ. Теперь фонтанъ забилъ уже явно... Могу лишь поздравить почтенную компанію благородныхъ обличителей и пожелать имъ всяческаго преуспѣянія фирмѣ бр. Сувориныхъ на славу, Раковскимъ на утѣшеніе, Вестингузамъ на пользу...

С. Ефремовъ.
